

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ В ПОСЛЕВОЕННОМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

М. А. Клинова, А. В. Трофимов,

*Уральский государственный экономический университет,
Екатеринбург, Российская Федерация*

В статье анализируются когнитивные возможности междисциплинарных теоретических подходов к феномену коррупции. Выделяются шесть основных контуров идентифицируемых коррупционных и теневых явления, истоки и генезис которых можно обнаружить в позднесталинский период. Выявляются «оптимистические» и «пессимистические» историографические интерпретации осмысления феномена коррупции в послевоенном СССР. Согласно первой, для такого явления как коррупция в стране не существовало социально-экономического фундамента, поскольку ключевыми признаками социалистической модели являлись обеспечение благосостояния для всех членов общества, общенародная собственность на средства производства, получение доходов исключительно по труду, плановый характер экономики, централизация управления народным хозяйством, ограниченный характер товарно-денежных отношений и т. д. Согласно «пессимистической» интерпретации, тоталитарный режим, установившийся с приходом к власти И. В. Сталина, лишь видоизменил формы коррупционных проявлений, загнал их «вглубь» социального пространства. Показаны различия в оценке глубины и системности коррупционных проявлений в послевоенный период.

Ключевые слова: феномен коррупции, послевоенный СССР, историография.

Феномен коррупции является постоянным спутником человеческого общества в длительном историческом континууме, отражая как несовершенство природы самого человека, так и создаваемых им социальных, политических, экономических институтов. Поиск эффективных способов и инструментов в борьбе с коррупцией в современной России актуализирует обращение к опыту советского прошлого, оставившего «следы», продолжающие оказывать влияние на существующие модели управления и стратегии поведения населения.

Под коррупцией принято понимать использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным законом и правилам [3]. Коррупционные модели поведения включают в себя, как активное стремление выйти за пределы официально разрешенных норм и правил; так и пассивное согласие с нарушением действующего законодательства, непротивление в социальной практике отступлению от нормативных экономических стратегий. При анализе факторов, обуславливающих готовность личности к коррупционным моделям поведения, как отмечает О. В. Ванновская [4, с. 325], следует учитывать: а) уровень смыслов и ценностей (жизненные цели, стремления, смыслы и ценностные ориентации); б) когнитивно-нравственный уровень (нравственное самосознание, установки нравственного поведения, правосознание, структура ответственности и долга); в) эмоциональный уровень (удовлетворенность жизнью, удовлетворенность профессией, личным статусом, саморефлексия); г) регулятивный уровень (способность к самоконтролю, механизмы принятия решений); д) поведенческий уровень (ведущий тип реагирования).

В политологическом измерении качество государства определяется уровнем коррупции. Представление о том, что правящий класс является хранителем общественного блага, характерно для системы, которую М. Вебер называл патримониализмом. Для Ф. Фукуямы переход от (нео)патримониалистского к современному безличному (impersonal) государству труднее, чем от авторитарной политической системы к демократической, поскольку причины коррупции носят политико-экономический характер (сохранение рентной экономики или кумовских взаимоотношений власти и бизнеса как особенность коррумпированных политических систем) [18]. В этом контексте А. В. Васильева [5] рассматривает российскую политико-экономическую систему как патримониальный капитализм, сохраняющий преемственность на протяжении столетий. Его общие черты содержатся в характерном для российской империи принципе кормления, институте дворянства и поместной системе; в советской практике — в предоставлении номенклатуре права извлекать административную ренту из обладания «общенародной» собственностью.

Исследователи, работающие в русле экономического анализа, объясняют существование коррупции чрезмерным вмешательством государства в экономические процессы. Представители классического либерализма рассматривают коррупцию в качестве «провала государства» [6].

В соответствии с «агентской моделью» коррупции существует три типа экономических агентов: уполномоченный, уполномочивающий и третье лицо, доходы и потери которого зависят от уполномоченного. Уполномочивающим или принципалом выступает центральное правительство. Оно устанавливает правила игры и ставит уполномоченным

или агентам (чиновникам) конкретные задачи. Чиновники при этом выступают как посредники между центральным правительством и клиентами (отдельными гражданами и предприятиями). Коррупция возникает тогда, когда в этой системе появляются серьезные сбои (трудности контроля со стороны принципала за деятельностью агентов — посредников). Решение чиновника о вступлении в коррупционные отношения предопределяется рядом факторов: ожидаемым вознаграждением за добросовестную работу; возможным наказанием за злоупотребления; степенью вероятности быть «пойманным за руку»; моральными нормами, определяющими меру допустимости отклонений от требований закона. Применяя данный подход к объяснению «сталинской экономической модели», П. Грегори [8] отмечает, что Сталин хотел, чтобы предприятия производили продукцию с минимальными издержками. Он давал поручения и требовал от своих подчиненных выполнения указаний. Производители на местах лучше Сталина знали ситуацию и имели возможность обмануть диктатора, завывсив, к примеру, объемы требуемых ресурсов. Поэтому, когда составлялись планы и они претворялись в жизнь, шел торг на всех уровнях власти.

Согласно теории коррупции как статусной ренты, субъекты коррупционных связей пытаются найти оптимальный способ реализации своих интересов в условиях ограниченности ресурсов. Н. Епифанова определяет коррупцию как проявление такого поведения индивидов, целью которого является максимизация их полезности посредством извлечения непроизводительного дохода за счет использования и перераспределения ресурсов, не принадлежащих этим индивидам, но доступных им [9, с. 36]. Речь идет о «поиске ренты», поэтому, отмечает С. Ю. Барсукова, «поведение политика, чиновника, бизнесмена не имеет сущностных отличий: все они пытаются использовать имеющиеся ресурсные ограничения с наибольшей выгодой для себя... При этом цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности» [1, с. 39]. Л. М. Тимофеев предлагает рассматривать коррупцию как проявление здравого смысла в экономическом поведении человека, полагая, что «время смысляет с исторических явлений копоть юридических предрассудков и идеологических мифов и позволяет разглядеть глубинный мотив общественного поведения человека — его рациональный экономический интерес, который объясняет, а иногда и оправдывает преступление юридического закона» [17]. Тем самым признается, что коррупция может быть вполне функциональна, поскольку является противовесом излишней бюрократизации.

Современные исследователи [14, с. 4—7] выделяют шесть основных контуров (типов) самодостаточных, идентифицируемых коррупционных и теневых явлений. Первый — кадровая коррупция, основанная на взаимосвязи двух субъектов: лица, обладающего правом назначения на должность либо возможностью оказать влияние на результаты

выборов, и лица, заинтересованного в получении этой должности. Ее отрицательными последствиями являются некомпетентность чиновников, неэффективность работы, снижение авторитета государственной власти. Второй — экономическая коррупция. Основная масса злоупотреблений связана с использованием полномочий в области контроля и распределения финансовых потоков. Подобный вид коррупции называют также «коррупционными услугами», т. е. услугами по «продаже» властного ресурса либо использованию такого ресурса в целях привлечения иных административных ресурсов. Третий контур (тип) — сращивание бизнеса и власти — отличается тем, что в нем всегда присутствует конфликт интересов — частных и государственных. Четвертый — это идейная коррупция, охватывающая указанные контуры и напрямую связанная с некомпетентностью власти, неэффективностью ее работы, низким рейтингом и авторитетом. Идейная коррупция — это монополизация и ограничение пространства выбора властных решений; она связана с кадровой и экономической коррупцией, особенно в форме казнокрадства. Пятый — теневая экономика. Теневая экономика и коррупция неотделимы друг от друга и порождают друг друга. Теневой сектор находится вне поля правовой защиты и является благодатной почвой для разрастания коррупции. Шестой контур (тип) — бытовая коррупция, с которой люди сталкиваются в повседневной жизни. Она затрагивает сферы образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, дорожного движения и пр. «Поражая» основные сферы жизни общества, она становится привычным явлением и нормой жизни.

Проявления этих контуров (типов) можно обнаружить в истории советского периода. В современной историографии исследователи обращаются к проблемам факторов, масштабов, форм коррупции в послевоенном СССР. К основным формам коррупции при сталинизме относят перепродажу чиновниками государственной собственности, присвоение ими денежных средств, вымогательство взяток, торговлю льготами, должностями и влиянием, использование системы неофициальных связей и служебного покровительства в целях выполнения экономических задач и в своих интересах [19]. При этом подчеркивается, что масштаб коррупции эти явления приобретают, когда превращаются из единичных в массовые явления, приобретая системный характер.

Согласно первой, «оптимистической» трактовке, для такого явления как коррупция в СССР не существовало социально-экономического фундамента, поскольку ключевыми признаками социалистической модели являлись обеспечение благосостояния для всех членов общества, общенародная собственность на средства производства, получение доходов исключительно по труду, плановый характер экономики, централизация управления народным хозяйством, командные позиции государства в экономике, общественные фонды потребления, ограниченный характер товарно-денежных отношений и т. д. Сталинская модель экономики, в ее нормативном варианте, купировала широкое распространение

коррупционных стратегий поведения на уровне институтов и отдельных граждан. Следовательно, сталинский режим свел к минимуму коррупцию и должностные хищения, теневая экономика фактически отсутствовала, случалась лишь бытовая спекуляция, а возрождение коррупции относится к эпохе правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева [10; 11; 13]. Как отмечает А. В. Сушков, послевоенный сталинский ЦК партии достаточно тщательно следил за своими региональными руководителями. Позднесталинские политические практики позволяли действовавшей системе власти поддерживать в своих рядах необходимый уровень дисциплины, достаточный для нормального функционирования громоздкой административной машины, и, в конечном счете, обеспечивать неуклонное наращивание экономической мощи сверхдержавы [15, с. 115].

Согласно «пессимистической» интерпретации, тоталитарный режим, установившийся с приходом к власти И. В. Сталина, лишь видоизменил формы коррупционных проявлений, загнал их «вглубь» социального пространства. В 1930—1940-е гг. в СССР сложилась разветвленная нелегальная система торговли, производства и посредничества, охватившая все сферы изготовления и сбыта товаров народного потребления и оказания услуг населению, действовавшая параллельно с официальными государственными структурами и находясь с ними в тесной связи. В этот же период коррупция в СССР приобрела системный характер. В различных формах (самоснабжение, злоупотребления, взятки) в нее была вовлечена значительная часть партийно-государственной и хозяйственной номенклатуры. Это способствовало превращению коррупции в неотъемлемый элемент советской хозяйственной системы. Советская «теневая экономика» удовлетворяла те потребности граждан, которые не могла обеспечить плановая экономика. Она могла существовать, лишь паразитируя на официальных хозяйственных структурах, коррумпируя власть и подрывая принципы экономической системы в целом. Сталинское государство вело жестокую борьбу с нелегальными экономическими отношениями, но репрессивная политика не давала серьезного эффекта. В механизме функционирования организованных преступных групп в сфере экономики в первые послевоенные годы появляются новые тенденции. Во-первых, переплетение хищений государственной и общественной собственности, спекуляции и незаконной предпринимательской деятельности и значительный рост масштабов преступной деятельности в экономической сфере. Во-вторых, в конце 1940-х — начале 1950-х гг. происходит воспроизводство организованных преступных групп, действовавших в экономической сфере. В-третьих, выявленные крупные организованные преступные группы, действовавшие в экономической сфере СССР в 1945—1953 гг., имели «прикрытие» в лице представителей контролирующих, проверяющих органов и организаций, в отдельных случаях сотрудников правоохранительных органов [2; 7; 12; 16]. Тем самым опровергается «оптимистический» взгляд на то, что сталинский режим обладал абсолютным контролем над экономической сферой общества.

Коррупция в СССР в 1940—1950-е гг. существовала в различных контурах, при этом коррупционные модели поведения были скорее маргинальным явлением и встречали противодействие со стороны власти и большей части населения, но в силу объективных и субъективных факторов ареал их распространения в социальном пространстве становился все шире.

Литература и источники

1. Барсукова, С. Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность / С. Ю. Барсукова // *Общественные науки и современность*. — 2008. — № 5. — С. 36—47.
2. Богданов, С. В. Организованная преступность в экономической сфере СССР в 1930—1950-е годы: особенности воспроизводства, масштабы, формы проявления / С. В. Богданов // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. — 2011. — № 4. — С. 70—79.
3. Быстрова, А. С. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы / А. С. Быстрова, М. В. Сильвестрос // *Журнал социологии и социальной антропологии*. — 2000. — Т. III. — № 1. — С. 83—101.
4. Ванновская, О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения / О. В. Ванновская // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. — 2009. — № 102. — С. 323—328.
5. Васильева, А. В. Патримониализм как определяющий фактор развития российского капитализма / А. В. Васильева // *Неприкосновенный запас*. — 2013. — № 4. [Электронный ресурс]. — URL // <http://www.nlobooks.ru/node/3842> (дата обращения: 21 июня 2018 г.)
6. Глинкина, С. П. Феномен коррупции: взгляд экономиста / С. П. Глинкина // *Новая и новейшая история*. — 2010. — № 4. — С. 3—17.
7. Говоров, И. В. Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) / И. В. Говоров // *Новейшая история России*. — 2011. — № 1. — С. 66—80.
8. Грегори, П. Политическая экономия сталинизма / П. Грегори. — М.: РОССПЭН, 2008. — 400 с.
9. Епифанова, Н. Исследование коррупции на основе методов экономической теории / Н. Епифанова // *Вопросы экономики*. — 2007. — № 1. — С. 33—44.
10. Катасонов, В. Ю. Экономика Сталина / В. Ю. Катасонов; отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 416 с.
11. Киран, Р. Продавшие социализм. Теневая экономика в СССР / Р. Киран, Т. Кенни. — М.: Алгоритм, 2010. — 304 с.
12. Нисевич, Ю. А. Коррупция в исторической ретроспективе с уточнениями и дополнениями / Ю. А. Нисевич // *Общественные науки и современность*. — 2015. — № 3. — С. 90—100.
13. Сигов, В. И. Теневая экономика: генезис, современные тенденции, стратегия и тактика вытеснения из национального хозяйства России / В. И. Сигов, А. А. Смирнов. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 1999. — 98 с.
14. Сулакишин, С. С. Государственная политика противодействия коррупции и теневой экономике в России: [монография] : [в 2 т.] / С. С. Сулакишин, С. В. Максимов, И. Р. Ахметзянова и др. — Т. 1. — М.: Научный эксперт, 2008. — 464 с.
15. Сушков, А. В. Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов / А. В. Сушков // *Новейшая история России*. — 2018. — № 2. — С. 99—115.

16. Тепляков, А. О коррупции в органах НКГБ — МГБ СССР 1940—1950-х гг. [Электронный ресурс] / А. Тепляков. — URL// <http://www.epochtimes.ru/content/view/30551/34/> (дата обращения: 20 июня 2018 г.).

17. Тимофеев, Л. М. Институциональная коррупция: очерки теории [Электронный ресурс] / Л. М. Тимофеев. — URL: <http://corruption.rsuh.ru/books/5-7281-0437-1.shtml> (дата обращения: 20 июня 2018 г.).

18. Фукуяма, Ф. Что такое коррупция? / Ф. Фукуяма // Против коррупции : сборник эссе [Электрон-

ный ресурс]. — URL// <https://www.gov.uk/government/publications/against-corruption-a-collection-of-essays/against-corruption-a-collection-of-essays> (дата обращения: 21 июня 2018 г.).

19. Хайнцен, Дж. Коррупция в Гулаге: дилеммы чиновников и узников: экономика принудительного труда / Дж. Хайнцен. — М. : РОССПЭН : Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 158 с.

КЛИНОВА Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). E-mail: klinowa.m@yandex.ru

ТРОФИМОВ Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия). E-mail: 2519612@rambler.ru

Поступила в редакцию 31 августа 2018 г.

DOI: 10.14529/ssh180404

THE PHENOMENON OF CORRUPTION IN POST-WAR SOVIET UNION: THEORETICAL APPROACHES AND RESEARCH PRACTICES

M. A. Klinova, klinowa.m@yandex.ru

A. V. Trofimov, 2519612@rambler.ru

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

The paper analyzes the cognitive capabilities of modern interdisciplinary theoretical approaches to the phenomenon of corruption. Six main contours of self-sufficient, identifiable corruption and shadow phenomena, the origins and Genesis of which can be found in the late Stalin period, are distinguished. The “optimistic” and “pessimistic” directions in historiography devoted to the understanding of the corruption phenomenon in the post-war USSR are revealed. According to the first, for such a phenomenon as corruption in the country there was no social and economic Foundation, since the key features of the socialist model were welfare for all members of society, national ownership of the means of production, income exclusively for labor, the planned nature of the economy, centralization of management of the national economy, the command position of the state in the economy, public consumption funds, the limited nature of commodity-money relations, etc. According to the second (“pessimistic”) interpretation, the totalitarian regime established with the coming to power of Stalin, only modified the forms of corruption, drove them “deep” into the social space. The differences in the assessment of the depth and consistency of corruption manifestations in the postwar period are shown.

Keywords: corruption phenomenon, post-war USSR, historiography.

References

1. Barsukova S.Ju. Korrupcija: nauchnye debaty i rossijskaja real'nost'. -Obshhestvennye nauki i sovremennost. 2008. № 5. P. 36—47.
2. Bogdanov S.V. Organizovannaja prestupnost' v jekonomicheskoy sfere SSSR v 1930-1950-e gody: osobennosti vosproizvodstva, masshtaby, formy proyavleniya // Kriminologicheskij zhurnal bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava. 2011. № 4. P. 70—79.
3. Bystrova A.S., Sil'vestros M.V. Fenomen korrupcii: nekotorye issledovatel'skie podhody // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2000. T. III. № 1. P. 83—101.
4. Vannovskaja O.V. Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedeniya // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2009. № 102. P. 323—328.
5. Vasil'eva A.V. Patrimonializm kak opredelajushhij faktor razvitiya rossijskogo kapitalizma // Neprikosnovennyj zapas. 2013. № 4. [Elektronnyj resurs]. — URL // <http://www.nlobooks.ru/node/3842> (data obrashheniya 21 ijunya 2018 g.)
6. Glinkina S.P. Fenomen korrupcii: vzgljad jekonomista // Novaja i novejschaja istorija. 2010. № 4. P. 3—17.
7. Govorov I.V. Korrupcija v uslovijah poslevoennogo stalinizma (na materialah Leningrada i Leningradskoj oblasti) Novejschaja istorija Rossii. 2011. № 1. P. 66—80.
8. Gregori P. Politicheskaja jekonomija stalinizma. M.: ROSSPEN, 2008. 400 p.
9. Epifanova N. Issledovanie korrupcii na osnove metodov jekonomicheskoy teorii. — Voprosy jekonomiki, 2007, № 1. P. 33—44.
10. Katasonov V. Ju. Jekonomika Stalina / Otv. red. O. A. Platonov. — M.: Institut russkoj civilizacii. 2014. 416 p.
11. Kiran R., Kenni T. Prodavshie socializm. Tenevaja jekonomika v SSSR. M.: Algoritm. 2010. 304 p.

12. Nisnevich Ju.A. Korruptsiya v istoricheskoy retrospektive s utochnenijami i dopolnenijami // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 2015. № 3. P. 90—100.
13. Sigov V.I., Smirnov A.A. Tenevaya jekonomika: genezis, sovremennye tendencii, strategija i taktika vytesnenija iz nacional'nogo hozjajstva Rossii. Spb.: — Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta jekonomiki i finansov. 1999. 98 p.
14. Sulakshin S.S., Maksimov S.V., Ahmetzjanova I. R. i dr. Gosudarstvennaja politika protivodejstvija korruptcii i tenevoj jekonomike v Rossii : [monografija] : [v 2 t.]. M. : Nauchnyj jekspert, 2008. T. 1. 464 p.
15. Sushkov A.V. Vlast' i korruptsiya: privilegirovannaja zhizn' «cheljabinskih vozhdzej» vo vtoroj polovine 1940-h godov // *Novejshaja istorija Rossii*. 2018. № 2. P. 99—115.
16. Tepljakov A. O korruptcii v organah NKGB — MGB SSSR 1940–1950-h gg. [Elektronnyj resurs]. — URL// <http://www.epochtimes.ru/content/view/30551/34/> (data obrashhenija 20 ijunja 2018 g.).
17. Timofeev L.M. Institucional'naja korruptsiya: Oчерki teorii. - [Elektronnyj resurs]. — URL <http://corruption.rsuh.ru/books/5-7281-0437-1.shtml> (data obrashhenija 20 ijunja 2018 g.).
18. Fukujama F. Chto takoe korruptsiya? // *Protiv korruptcii*. Sbornik jesse [Elektronnyj resurs]. — URL// <https://www.gov.uk/government/publications/against-corruption-a-collection-of-essays/against-corruption-a-collection-of-essays> (data obrashhenija 21 ijunja 2018 g.).
19. Hajncen Dzh. Korruptsiya v Gulage: dilemmy chinovnikov i uznikov: jekonomika prinuditel'nogo truda. — M.: ROSSP-JeN: Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina. 2008. 158 p..

Received August 31, 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Клинова, М. А. Феномен коррупции в послевоенном Советском Союзе: теоретические подходы и исследовательские практики / М. А. Клинова, А. В. Трофимов // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. — 2018. — Т. 18, № 4. — С. 32—36. DOI: 10.14529/ssh180404

FOR CITATION

Klinova M. A., Trofimov A. V. The phenomenon of corruption in post-war Soviet Union: theoretical approaches and research practices. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*. 2018, vol. 18, no. 4, pp. 32—36. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh180404
